

Научная статья
УДК 821.352.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-276-292
EDN: HTMDDX

АБАЗИНСКАЯ СКАЗОЧНАЯ ПРОЗА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ МИРОВОГО ФОЛЬКЛОРА

Пётр Константинович Чекалов¹, Лилия Арабиевна Борокова²

^{1,2} Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почёта» Институт гуманитарных исследований, Черкесск, Россия.

¹ chekalov58@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7580-4060>

² borokova64@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются типологические схождения абазинских народных сказок с удмуртскими, карельскими, тибетскими, бирманскими, вьетнамскими, корейскими, кхмерскими, монгольскими фольклорными произведениями. При анализе основное внимание уделяется сопоставлению сюжетных линий, образной системы. Также отмечаются отдельные переключки числовой символики, предметных образов, оттеняющих национальный колорит, особенностей этнического мировоззрения, морально-нравственных ценностей, отразившихся в сказочной прозе. Выявляются и иные мотивы и детали, связанные с культурной спецификой того или иного народа. Изученный материал подводит к заключению о том, что различия сказок чаще всего касаются образной системы. Но при этом у народов, живущих в разных концах света, обнаруживаются сходные сюжеты, темы, проблемы, конфликты, жизненные ситуации, нравственные ориентиры.

Ключевые слова: абазинская сказка, типологическое схождение, национальный колорит, образная система, культурная специфика, сюжет, мировоззрение.

Для цитирования: Чекалов П.К., Борокова Л.А. Абазинская сказочная проза в контексте традиций мирового фольклора // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 276-292. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-276-292. EDN: HTMDDX.

© Чекалов П.К., Борокова Л.А., 2023

Original article

ABAZA FAIRY TALE PROSE IN THE CONTEXT OF WORLD FOLKLORE TRADITIONS

Petr K. Chekalov¹, Liliya A. Borokova²

^{1,2} Karachay-Cherkessia Institute for Humanities Research Government of the Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk, Russia.

¹ chekalov58@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7580-4060>

² borokova64@mail.ru

Abstract. The article handles the typological convergence of Abaza folk tales with Udmurt, Karelian, Tibetan, Burmese, Vietnamese, Korean, Khmer, Mongolian folklore works. In the analysis, the main attention is paid to the comparison of storylines, figurative system. Also, there are sep-

arate reflections of numerical symbolism, object images that set off the national color, features of the ethnic worldview, moral values reflected in fairy-tale prose. Other motives and details related to the cultural specifics of a particular folk are also revealed. The studied material leads to the conclusion that the differences in fairy tales most often relate to the figurative system. But, peoples living in different parts of the world have similar plots, themes, problems, conflicts, life situations, moral guidelines.

Keywords: Abaza fairy tale, typological convergence, national color, figurative system, cultural specificity, plot, worldview.

For citation: Chekalov P.K., Borokova L.A. Abaza fairy tale prose in the context of world folklore traditions. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 276-292. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-276-292. EDN: HTMDDX.

© Chekalov P.K., Borokova L.A., 2023

В солидном издании «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века» небольшой фрагмент посвящен интернациональным мотивам устно-поэтического творчества: «Фольклор горцев свидетельствует о близких контактах между отдельными народностями и этническими группами. У народов Северного Кавказа много типологически и идейно-художественно совпадающих произведений устного народного творчества» [История народов Северного Кавказа... 1988: 484].

Абазинский литературовед и фольклорист В.Б. Тугов со знанием дела утверждал, что «в сказочном эпосе абазин <...> есть сюжеты, совпадающие с мировыми и общекавказскими; особенно много общего со сказками ближайших родственных народов – абхазов и адыгов» [Тугов 2002: 67].

П.К. Чекалов в двух своих работах «Абазинский фольклор и мифология народов мира» [Чекалов 1994: 47–54] и «Веселовский, Куприн, Соломон и сказки народов Кавказа» [Чекалов, Котова 1999: 169–176] наглядно показал наличие множества сюжетных и образных переключек национальных сказок с мифологией, фольклором, этнографией древних греков, римлян, иудеев, русских, белорусов, болгар. Литературовед приходит к выводу о том, что «помимо создания собственных оригинальных фольклорных произведений, абазины широко использовали мифы народов мира, адаптируя их сообразно своему укладу жизни, месту обитания, национальным обычаям, фольклорной поэтики, материальной и духовной культуры, мироощущению и миропониманию» [Чекалов 1994: 54].

Позднее В.Б. Тугов обратился к этой же проблематике, более подробно разрабатывая сюжетные параллели, связанные с циклопом, судами Соломона, коньком-горбунком. Он дополнил фольклорные схождения наблюдениями из русской былины «Святогор» и абазинскими сказками «Наказание гордыни» и «О мужестве и гордыне», из «Золотого осла» Апулея и «Девочкой-сироткой» [Тугов 2002: 105–121]. Завершая свой обзор, Тугов выразил убеждение в том, что «более тщательное и глубокое обследование абазинского фольклорного материала, вне всякого сомнения, выявит немало случаев встречи культур народов Кавказа с культурным наследием Востока, Запада и России, что, в свою

очередь, откроет доселе неизвестные страницы духовного взаимодействия различных – далеких и близких – этносов» [Тугов 2002: 121].

И дальнейшее изучение проблемы действительно показывает, что культурный взаимообмен абазин с другими народами не исчерпывается представленным Чекаловым и Туговым материалом. Сегодня тему творческих переключек можно расширить не только за счет тех этносов, с которыми у абазин исторически сложились экономические, политические, военные, культурные связи, но и с теми, с которыми, казалось бы, у них ничего общего не могло быть вообще.

Материалом исследования являются фольклорные произведения из изданий: «Сказки народов мира» [Сказки народов мира 1987], «Абазинские народные сказки» [Абазинские народные сказки... 1985], «Абазинские сказки» [Абазинские сказки... 2014], «Сказки Абазашты» [Сказки Абазашты... 2016], «Ингур» [Ингур 2004]. Основной метод исследования – сравнительно-типологический.

Суть абазинской сказки «Один другого глупее» [Абазинские народные сказки... 1985: 300–301] сводится к следующему. У старика и старухи были дочь и женатый сын. Однажды сноха пошла по воду и увидела посреди реки остров, усеянный яркими цветами. «Когда у меня родится сын, он придет сюда, захочет сорвать цветы и утонет, переходя реку», – загорюнилась она. Не дождавшись невестки, старики послали за ней дочь. Пришла она, а та сидит и плачет. Узнав причину ее печали, и дочь присела рядом с невесткой и тоже зарыдала. Затем по сюжету к ним точно также присоединяются старуха и старик. Дошла очередь до сына. Приходит он на реку и видит: все его семейство сидит и ревмя ревет. Рассердился он, поклялся: «Не вернусь домой, пока не встречу людей глупее вас», оседлал коня и выехал со двора. Едет и видит: сидят посреди дороги дети со сплетенными ногами и никак не могут их расплести. Как размахнется всадник камчой¹, мальчишки бросились врассыпную, и ноги освободились сами собой. Едет дальше. Въезжает во двор с двумя домами. Хозяйка берет кусок мамалыги в одном из них, бегут в другой, макают в сметану и едят. Мужчина взял, поставил блюда один возле другого и поехал дальше. Едет и наблюдает следующую картину: забирается старик на крышу дома и оттуда пытается запрыгнуть в штаны, которые держит внизу старуха. Всадник показал, как надеваются штаны, и повернул коня обратно, так как нашел людей глупее жены, сестры, матери и отца.

Этот сюжет напоминает удмуртскую сказку «Мадяр» [Ингур 2004: 112], в которой выступают почти те же самые персонажи (нет только снохи). Но, если в абазинской сказке все герои безымянны, то в удмуртской каждый персонаж имеет свое имя: отец – Баймет, мать – Чипья, сын – Мадяр и дочь – Камзей. Здесь даже название села, в котором проживают герои, упоминается: Кузьымгурт. В абазинской версии приводится только название реки: Инджиг². Итак, пошла как-то дочь Камзей по воду, встретила у реки старуху-травницу, и та нашептала ей: «Замуж выйдешь. Сына родишь. Вырастет он и умрёт». От

¹ Авт.: Камча – плеть наездника.

² Авт.: Инджиг – общее название рек Большой и Малый Зеленчук.

этих слов Камзей запричитала и совсем забыла про воду и родителей. Те же, не дождавшись ее, один за другим пришли к ней, а услышав про несчастье, ожидающее не родившегося еще сына, присели и режут рядышком. О Мадяре говорится, что он ни на кого в семье не был похож: «точно кленовый лист на еловой лапе». И потому, когда он в свой черед нашел родителей и сестру у реки, обругал их («У вас, говорит, совсем ума нет. Яйцо ещё в утке, утка ещё на воде. Кто знает, поймают её – не поймают, снесёт она яйцо – не снесёт...»), махнул рукой и сказал: «Уйду я от вас. Вот найду где кто умнее вас живет – там останусь, не найду – вернусь».

И далее он становится свидетелем трех нелепых, как и в абазинской сказке, сцен. В первой двое стариков стоят и думают, как бы затащить корову на крышу бани, чтобы она полакомилась выросшей там травой. Попросил Мадяр у них косу, сам забрался, скосил, сбросил траву к ногам стариков. Во второй увидел дом без окон, печь без трубы, темно да дымно, как в черной бане. Взял герой топор у хозяина, в потолке прорубил дымоход, и весь дым мигом выволокло. В третьей деревне заметил Мадяр: стоит посреди двора на столе котёл с овсяной кашей, вокруг нее люди бегают, черпают ложкой, а молоком запивать бегают в погреб. Ни слова не говоря, достал Мадяр горшок с молоком из погреба и поставил на стол возле котла...

Нетрудно заметить, что из трех эпизодов с абазинской сказкой совпадает лишь один, когда люди закусывают в одном месте, а запивать / макать еду в сметану бегают в другую. Остальные две сцены разнятся. И тем не менее не остается сомнения в том, что сюжет у обеих сказок сходен. Во-первых, совпадает завязка: и там и тут молодая женщина идет по воду к реке и начинает причитать по поводу того, что еще не случилось. Затем к ней присоединяются и старшие члены семьи, что выявляет непроходимую тупость как характерное их свойство. Всю нелепость происходящего в обеих сказках способен заметить лишь сын, который дает себе слово не возвращаться, куда не отыщет людей, глупее своей родни. И абазинский, и удмуртский герои становятся свидетелями и участниками трех сцен. Все это, несомненно, сближает фабулы произведений.

Можно заметить и следующее: мотив снохи, присутствующий в абазинской сказке с самого начала, в удмуртской возникает лишь в самом конце: после третьего эпизода Мадяр просит у хозяев коня и телегу, садится в нее и едет невесту сватать. Присутствует в обеих сказках и мотив крыши: в одном случае с нее спрыгивает старик, пытаясь попасть в штанины, в другом, – на нее собираются затащить корову, чтобы она поела травы...

Небезынтересным представляется и тот факт, что мотив запрыгивания в штаны (правда, не с крыши, а с печи) встречается в вепсской (Карелия) сказке «Глупые люди»¹: «Вошел старик в избушку, а там дивные дела творятся: мужик с печи прыгает в штаны, а жена внизу эти штаны держит». Но, хотя вепсская сказка по своему заглавию и перекликается близко с абазинской («Глупые лю-

¹ Сказки и легенды северных народов России. Глупые люди. Вепсская сказка // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.legendami.ru/bod/sevros/main.htm>. Дата обращения: 12.01.2023 г.

ди» – «Один другого глупее»), можно твердо сказать, что между ними других совпадений нет.

В тибетской сказке «Чудесные зерна» [Сказки народов мира 1987: 147–153] сын кузнеца Ачу вместе с двадцатью удалцами отправляется в путь, чтобы раздобыть семена ячменя у могучего горного духа Жуды, живущего за 99 высокими горами и 99 широкими реками¹. По пути все товарищи Ачу погибают. Перед последней 99-й горной грядой герой встречает старую женщину, которая пряла шерсть. Ачу подошел к ней, почтительно поклонился и спросил, где находится обитель горного духа. Потом выяснится, что это была богиня земли, и она подсказала герою, как ему добраться до места назначения.

В абазинской сказке «Старый бурдюк» [Абазинские народные сказки 1985: 83–91] Мхаматби, идя по следу демонического персонажа – всадника на петухе, – также встречает старуху, которая латала землю громадной иглой. Портретная характеристика ее дополняется штрихом: «Воздух, выходящий из ноздрей ее, был так силен, что, чуть ли не вырывая всадника из седла, останавливал коня, не давая ему идти вперед». Именно от нее Мхаматби узнает, что петушиный всадник уже сожрал 99 юношей, и та же участь ожидает его. По подсказке старухи герой узнает, как можно расправиться со злодеем.

В абазинской сказке статус героини никак не определен, но функционально она близка к тибетской богине земли, ибо кто еще может штопать раны земли, кроме ее покровительницы? Типологическая близость героинь подчеркивается и тем, что они обе выступают бескорыстными помощниками героев.

В плане схождений любопытна и деталь, связанная с числовой символикой: если в тибетской сказке упоминается 99 гор и рек, то в абазинской говорится о 99 погибших от рук петушиного всадника юношах.

На основе фольклорного образа старухи, штопающей землю, М. Чикатуев в маленькой поэме «Балабот» создаст впоследствии грандиозный образ матери, исцеляющей землю от ран:

Ан дгвжважвауа адгьыл хвы квылрышвхуан,
Мзата йлыман марагьи мызгьи... [Чикатуев 1969: 15]
(Мать торопливо латала раненую землю,
держа вместо керосиновой лампы солнце и луну).

Обратимся к сюжету абазинской сказки «Старик и волк» [Абазинские сказки... 2014: 12–14]. Выведенный в названии герой встретил в лесу волка, попросившего его спрятать от охотников. Тот усадил зверя в мешок, а охотников направил в другую сторону. Когда опасность миновала, волк решил расправиться со стариком, и на его резонное возражение «Как же так? Ведь я спас тебя от смерти», зверь безжалостно ответил: «Мы так живем». Старик все же упросил волка выслушать мнение первых трех встречных, а потом уж пусть поступает, как сочтет нужным. Тот согласился. По дороге им попались старая

¹ Авт.: Данный мотив напоминает распространенный в нартском эпосе сюжет о возвращении семян проса, украденных айныжами. Любопытно при этом, что герою Сосруко приходится преодолеть 60 гор, 60 рек и три моря.

кляча и старая собака. Выслушав историю, те пришли к мнению, что волк вправе съесть человека, потому что люди не справедливы, не благодарны, не помнят добра и выгоняют со двора состарившихся животных, служивших им верой и правдой. Затем старику и волку встретилась лиса, и, когда они изложили ей суть дела, та махнула хвостом и сказала: «Чтобы волк с такой вытянутой мордой да с таким длинным хвостом поместился в твоём мешке, – никогда не поверю!» И, чтобы убедить лису в правдивости сказанного, волку пришлось снова залезть в мешок. И тогда лиса посоветовала старику проворно завязать мешок и наказать вероломное существо, что и было сделано. Старик взял большую палку и так поколотил волка, что из того душа вылетела вон.

Практически все сюжетные перипетии данной сказки повторяются в корейской «О том, как поспорили тигр и прохожий» [Сказки народов мира 1987: 122–123]. Суть ее такова: попал тигр в западню, устроенную людьми, и не мог вылезти. Обратился он с просьбой к прохожему, разжалобил его, и тот помог ему выбраться из ямы. Как только зверь оказался на воле, бросился он на своего спасителя, чтобы разорвать его и съесть. И как ни стыдил человек тигра, но в сердце полосатого зверя не проснулась совесть. Тогда старик попросил, чтобы их хоть кто-нибудь рассудил. Обратились к волу. «Не прав, конечно, человек, – ответил тот. – Он на нас возит тяжелый груз, заставляет таскать телеги, а затем убивает и поедает...». Спросили сосну, и та сказала: «Нет на свете никого хуже человека. Он рубит деревья и жжет нас в печи. Не будет ему от меня сочувствия...» Под конец решили спросить мнение выскочившего из рожи зайца. Тот задумался и говорит: «Чтобы рассудить по справедливости, я своими глазами должен увидеть, как все было на самом деле». Тигр согласился и прыгнул обратно в яму. «Ты попал в беду из-за того, что спас тигра, – обратился заяц к человеку. – Пусть сидит себе в яме! – Потом наклонился к тигру и проговорил: – А тебе лучше оставаться в яме. Тогда не надо будет спрашивать, кто прав, а кто виноват».

Как видим, персонажная система двух сказок различна: волка замещает тигр, клячу – вол, собаку – сосна, лису – заяц, общим остается только человек. Если в абазинской сказке воплощением неблагодарности, жестокости и агрессивности выступает волк, а хитрости и смекалки – лиса, то в корейской сказке подобные функции выполняют тигр и заяц. Но почти полная смена действующих лиц не вносит какой-либо существенной разницы в сюжетную линию сказок, они почти идентичны. Человек проявляет гуманность по отношению к попавшим в беду лесным обитателям, а те вместо благодарности, следуя своей звериной природе, угрожают расправой. Из сложившейся опасной ситуации человека выручает другое, более слабое животное, которое в какой-то мере находится в оппозиции к сильным. В абазинской в такой роли выступает лиса, а в корейской – заяц. Сюжетные совпадения двух произведений порождают и общую для них идею: за добро нужно платить добром, иначе тебя ожидает возмездие.

Краткое содержание монгольской сказки «Старик и тигр» [Сказки народов мира 1987: 113–115] таково. Поводился к старику со старухой волк: то овцу стащит, то – корову. А однажды в лесу встретился старику тигр, предложивший ему помериться силой. Старик незаметно подрубил дерево, а затем толкнул его

на глазах соперника и свалил. Зверь же, сколько ни старался одолеть дерево, так и не сумел. В другой раз старик, будто бы из камня, выдавил сок из сыра, а тигру не удалось выжать из камня воду. Тогда тигр решил погубить старика хитростью: пригласил к себе, угостил разными кушаньями, уложил спать, а сам вышел из юрты и стал точить саблю. Разгадал старик замысел злодея, взял большую медную ступку, одел на голову и лег, укрывшись. Тигр подкрался, ударил по ступке раз, другой, а на третий сабля разлетелась вдребезги. Подивился зверь неуязвимости человека и утром послал его за водой. Кувшин был такой большой, что старик еле донес его до колодца. Как же нести его обратно с водой? Подумал герой и принялся обкапывать землю вокруг колодца. Тигру надоело ждать, вышел из юрты и спрашивает старика, чем он занимается? «Чем носить воду по капле, лучше выкопать колодец и целиком перенести к тебе», – ответил старик. Испугался тигр, отказался от такого подарка, сам наполнил кувшин и внес в юрту.

Когда старик собрался домой, тигр преподнес ему большой слиток золота. Гость попросил хозяина донести дар до его дома. Хищник выполнил просьбу и уже собрался было в обратный путь, когда обрадованная старуха спросила мужа: «Какое блюдо приготовить тебе?». «Догони-ка этого тигра, сварим его себе на обед!» Услыхав это, тигр пустился наутек и наткнулся на того самого волка, который таскал скот у старика и старухи. Тот убедил, что люди не страшны во все, и предложил навестить их вместе, чтобы продемонстрировать собственную расправу над ними. Увидел старик приближающихся зверей и говорит: «А-а, волк, должок возвращаешь? Молодец! Ты ведь давно обещал мне заманить тигра!» Услыхав это, полосатый зверь снова бросился бежать, волоча за собой и волка. С тех пор они и близко не подходили к айлу.

Как видим, в основе сказки лежит противостояние маломощного старика и могучего хищника. Но человек с помощью ума и смекалки одолевает заведомо более сильного противника. Реализацию этой же темы по сходной схеме мы наблюдаем и в абазинской сказке «Кабижчукун и айныжи» [Абазинские народные сказки...: 288–295]. Здесь выступают совершенно иные персонажи, но суть от этого меняется мало. Чтобы сопоставление было более наглядным, воспроизведем краткий пересказ его фабулы.

Слабосильный и казавшийся глуповатым Кабижчукун¹ пас овец, когда подошла к нему облезлая лиса, повалила наземь, отобрала съестные припасы, сожрала и удалилась. Назавтра и все последующие дни повторялось то же самое: лиса бесцеремонно забирала у чабана его обед и лакомилась им.

Однажды, когда герой пригнал овец на водопой, подошел к другому берегу реки айныж² и потребовал: «Иди сюда и перенеси меня на свою сторону, иначе я выжму из тебя все соки, как из этого камня!» И в доказательство своей мощи поднял камень, сжал его в ладони так, что из него вода брызнула. Испугался Кабижчукун, но не подает вида, тайком достает из артмака³ кусок домашнего сыра, сжимает на глазах айныжа, выдавливая сок, и кричит в ответ: «Сам иди

¹ Авт.: «Кабижчукун» означает – маленький плешивец.

² Авт.: Айныж – страшный великан: отрицательный сказочный персонаж.

³ Авт.: Артмак – дорожная переметная сума.

сюда и перенеси меня на тот берег! Иначе выжму из тебя всю воду, как из этого камня!»).

Рассвирепел Айныж, поднял большой булыжник, сжал его с такой силой, что от него осталась одна пыль. Кабижчукун в ответ, будто подбирая камень, достает из артмака горсть хакута¹ и развеивает по ветру. Заколебался айныж, видит: человеческий сын не уступает ему в силе. Перебрался через реку, встал на колени, усадил Кабижчукуна на плечи, понес через реку. Прибыли они на стоянку айныжей, и хозяева велели Кабижчукуну сходить в лес за дровами. Тот молча взял длинную кожаную бечеву и отправился. Ждут его айныжи, а того все нет и нет. Пошли за ним и видят: гость бечевой связывает верхушки деревьев. На вопрос: чем он занимается, Кабижчукун отвечает: «Сейчас вырву все деревья и одним разом приволоку». Испугались айныжи, отказались от его услуг, сами взяли по дереву да принесли вместо дров.

В другой раз послали плешивца за водой. Тот ушел и пропал. Пришлось снова идти за ним. Пришли и видят: гость роет ров в сторону их жилья. «Что ты делаешь?!», – всполошились айныжи. «Зачем каждый день ходить за водой, если можно ее саму направить к вам?», – беспечно отвечает тот. «Не нужно! – запротестовали великаны. – Тогда река нас самих снесет!». Снова отказались от его помощи и сами себе нанесли воды.

Когда не удалось избавиться от непрошеного гостя, айныжи предложили ему вернуться домой с двумя артмаками золота в качестве подарка. Гость принял предложение с условием, что один из них донесет до дома его самого и золото. Так и порешили. Кабижчукун пригласил сопровождавшего в дом, потом, по тайному сговору с женой, та, поднявшись на чердак, спросила: сколько спустить мяса айныжей – на один или два обеда? «Каждый раз что ли подниматься на чердак? Снеси, чтобы хватило на неделю!» – ответил Кабижчукун.

– Вы что, питаетесь мясом айныжей? – удивился великан.

– Это у нас первейшее блюдо, и гостей мы всегда угощаем им, – ответил герой.

Тут айныж подхватился, и его словно ветром сдуло со двора. На окраине аула он встретил облезлую лису, что отнимала еду у Кабижчукуна. Когда она узнала причину переполюха, рассмеялась и пригласила айныжа посмотреть, как она расправится с силачом-самозванцем. Пошли обратно в аул. Навстречу им выходит Кабижчукун и с благодарностью обращается к лисе: «Спасибо тебе, что привела обратно этого айныжа. Сейчас я из него душу выну!» Айныж, подумав, что лиса находится в сговоре с Кабижчукуном, схватил ее за хвост, ударил оземь и пулей понесся домой.

Каждая из приведенных сказок обладает своим национальным колоритом: монгольская – аил, юрта, тигр, чай; абазинская – аул, айныж, чабан, артмак, сыр, хакут. Наблюдается большое различие между действующими лицами, и тем не менее нет сомнения в том, что сюжетный стержень у них один и тот же: совпадают схемы поведения героев и конечный результат. Наибольшее сходство обнаруживается в проделках с сыром, обкапывании колодца / прокапы-

¹ Авт.: Хакут – мука из жареной кукурузы.

вании русла реки, подарок в виде золота, известие о питании людей мясом врага, финальная расправа с первоначальным противником (волк – в монгольской сказке, лиса – в абазинской). Но больше всего объединяет сказки мотив одоления могучего противника с помощью смекалки. Вероятнее всего, что сказка имела один и тот же источник, но в результате адаптации тем или иным этносом, обрела персонажей и атрибутику, которые оказались традиционными для ее носителя.

Абазинская «Сказка о двух дочерях» [Абазинские сказки... 2014: 70–71] не велика по объему, и потому можно воспроизвести ее целиком:

«У мужа и жены были две дочери: одна очень походила на отца, другая – на мать. За то мать недолюбливала первую и обожала вторую.

Однажды послала мать старшую за водой. Пришла она на речку и видит старую женщину на берегу.

– Дай мне напиться, золотая, – обратилась она к девушке.

Та набрала в кувшин воды, прополоснула, вылила, снова набрала и подала старушке.

– Пусть доброта твоя окупится достойной наградой! – поблагодарила старушка девушку.

Когда она вернулась, мать набросилась на нее с упреками:

– Где ты пропадала до сих пор? Почему не возвращалась так долго?!

– Нигде я не задерживалась. Встретила старушку, напоила водой и сразу же вернулась домой, – ответила девушка, и, пока она говорила, вместе со словами из ее уст сыпались золотые горошины.

Мать сразу догадалась, что свершилось какое-то чудо, и тут же послала за водой любимую дочь, которая также встретила старую женщину, но на ее просьбу пренебрежительно ответила: «Да кто после тебя захочет пить из этого кувшина?!» Набрала воды и, не угостив старушку, пошла домой.

– Как быстро ты обернулась, доченька! – ласковой улыбкой встретила ее мама.

Но не успела дочь разомкнуть губы для ответа, как из ее рта стали вываливаться лягушки, ящерицы и змеи. Так старая колдунья наказала девушку за бессердечие, брезгливость и неуважение к старшим».

Сюжет данной сказки отдаленно напоминает кхмерскую (Камбоджа) «Две девочки» [Сказки народов мира 1987: 104–105]. Для сопоставления кратко воспроизведем сюжет и этой сказки: мать послала дочь в лес за диким бататом¹, но у той лопата соскочила с черенка и угодила в гнездо белых термитов². Когда она стала звать на помощь, вылез из зарослей старый-престарый тигр, вся голова которого была в нарывах. Он вызвался выручить девочку, если та согласится очистить его голову от гноя. Девочка с готовностью принялась за дело. «Наверно, шкура моя противно пахнет?», – спросил тигр. И, хотя от него действительно шло зловоние, девочка ответила: «Нет-нет, дедушка. Ничего подобного». Когда же она закончила свое дело, тигр в знак благодарности насыпал ей в бамбуковую плетенку золота и серебра.

Прознала про то соседка и тоже послала свою дочь в лес за бататом. Та сознательно забросила лопату к термитам и стала умолять тигра о помощи. Он вызвался оказать содействие на тех же условиях, что и для первой девочки, но

¹ Авт.: Батат – сладкий картофель.

² Авт.: Термиты – насекомые, обитающие в тропиках.

на вопрос: «Наверно, шкура моя противно пахнет?», вторая ответила: «Ой, дед, еще как противно!». Взял тигр плетенку, наложил туда ядовитых гадюк и отправил домой. Та вернулась, позвала мать, открыла корзину, а оттуда стали вылезать страшные змеи...

При всем различии внешнего плана и частностей (две девочки одной матери и – дочери двух соседок; речка и – тропический лес; вода и – дикий батат; старая женщина и – старый тигр; кувшин и – бамбуковая плетенка; золотые горошины и – золото с серебром; лягушки, ящерицы, змеи и – ядовитые гадюки) все же и не вооруженным глазом заметен общий сюжет: выполняя наказания матерей, дочери встречаются со старухой и состарившимся тигром, отношение к которым отражает их духовную сущность, за что и получают вознаграждение в соответствии со своими нравственно-этическими качествами. Обе сказки учат быть добрыми, сердечными, отзывчивыми, не быть брезгливыми, не выражать отвращения к старым, больным, неухоженным существам.

Камбоджа – государство в Юго-Восточной Азии, расположенное на юге полуострова Индокитай. Бирма – соседняя с Камбоджей страна, находится в западной части того же полуострова. Казалось бы, географически они находятся рядом, и сюжеты их сказок должны бы больше походить друг на друга, но – удивительное дело! – бирманская сказка «Жемчужинка и жаба» [Сказки народов мира 1987: 63–64] по своему строю, содержанию, образной системе оказывается ближе к абазинской сказке, чем к кхмерской.

Напомним краткое содержание бирманской сказки. У одной вдовы было две дочери: Большая и Маленькая. Старшая была грубая, злая и жадная, а младшая – добрая и кроткая. Однажды мать послала Маленькую за водой к колодцу, и там она встретила нищенку в лохмотьях. По просьбе старушки девочка напоила ее водой, в благодарность за что натами¹, переодетая в нищенку, наградила ее свойством ронять жемчужины изо рта, когда смеется. За это люди ее прозвали Ма Пале, что значит «жемчужинка».

Старшей сестре стало завидно, выпросила у младшей происхождение жемчужин и тоже отправилась к колодцу. Явилась перед ней натами в образе старушки и попросила напоить ее, в ответ на что Большая грубо ответила: «Вот еще – буду я всякой нищенке воду подавать!» С тех пор, когда она смеялась, из ее рта выскакивали жабы, за что ее насмешливо стали называть Ма Пха-пью, что значит «жаба».

Отметим: в бирманском тексте отсутствуют характерные для кхмерской лес, дикий батат, старый тигр, бамбуковая плетенка, белые термиты и т.д. В этом плане бирманская сказка больше сходится с абазинской, хотя и между ними проявляется определенная разница: муж и жена в одном случае, вдова – в другом; речка в одном случае, колодец – в другом; старушка-колдунья в одном случае, натами – в другом; отсутствие имен персонажей в одном случае, наличие имен и прозвищ в другом... Но в обоих произведениях главные персонажи – родные сестры; и там и там их посылают за водой; и там, и там результат волшебства почти идентичен: золотые горошины и жемчужины изо рта в одном

¹ Авт.: Натами – божество индуистского происхождения.

случае, лягушки, ящерицы, змеи и жабы – в другом... Все эти детали сближают варианты двух сказок. А все три сказки (абазинская, бирманская, кхмерская) совпадают по общему сюжету, основополагающему конфликту, идейному замыслу, воспитательным задачам.

Существует вьетнамская сказка «Трое умельцев» [Сказки народов мира 1987: 82–85], краткое содержание которой можно свести к следующему. Жила в семействе Ле девочка необыкновенной красоты, превосходившая всех своей ученостью. Но кто бы из государевых вельмож и заморских богачей ни сватался к ней, отец отвергал всех, предпочитая для дочери того, кто является в своем ремесле непревзойденным мастером. И вот явились к старику три молодца: искусный стрелок из лука, необыкновенный ныряльщик и чудесный лекарь. Но пока отец проверял их умения, прилетел гриф и унес красавицу-дочь. Тогда стрелок приладил стрелу, натянул тетиву, – и гриф с перебитым крылом рухнул в море; ныряльщик, не мешкая, прыгнул в воду и вынес на берег уже мертвую девушку, но лекарь взялся и оживил ее. Встал вопрос о том, кому из трех женихов должна принадлежать красавица: каждый из них считал, что без его участия девушка не выжила бы. Пригорюнился старый Ле, не зная, кого предпочесть, но потом решил отвести их к правителю, чтобы тот по справедливости рассудил дело. Долго думал правитель и наконец пришел к выводу: «Лекарь не может получить девушку в жены, как не может он требовать себе в жены каждую спасенную им женщину. <...> Что же касается стрелка, то стрелять в птицу и не думать о том, что девушка упадет в море, неразумно: если бы не оказалось рядом ныряльщика, никто не смог бы достать девушку со дна моря. Потому будет разумно, если ныряльщик и красавица Ле станут мужем и женой».

Конечно, слову правителя никто не мог перечить, и впоследствии все состоялось в соответствии с его решением, но никто не остался в обиде, и все трое женихов стали названными братьями.

Сходный сюжет обнаруживается в абазинской сказке «Привередливая девушка и трое влюбленных парней» [Абазинские сказки... 2014: 69–70]. Естественно, она имеет свои отличительные признаки. В чем они заключаются? Для ответа на вопрос необходимо изложить суть национальной сказки.

В одном ауле жила привередливая девушка. Много женихов сваталось к ней, но она отвергала всех. Вот снова пришли к ней трое парней, и каждый предложил ей руку и сердце. «Кто принесет мне лучший подарок, за того и выйду замуж», – поставила она условие.

Вышли парни на окраину аула, и каждый пошел своим путем. Через время они сошлись на том же месте и показали друг другу добытые подарки: причудливое зеркало, запряженную горячими лошадьми тачанку, золотистое, просвечивающееся до самых зернышек яблоко. Взглянув на зеркало, вдруг они увидели лежащую в постели, умирающую любимую. Все разом бросились на тачанку, примчались к больной, а она на последнем издыхании. «Попробуй мое яблоко», – сказал тот, кто добыл его, и поднес плод к ее губам. Девушка откусила – и открыла глаза. Еще раз откусила – и щеки ее залились румянцем. Съела все яблоко – и встала на ноги.

Но после этого возник спор: кому из них красавица должна принадлежать по праву? Если бы не чудесное зеркало, они бы не узнали, что она больна. Если бы не быстрая тачанка, ее бы не застали в живых. Если бы не яблоко, она бы не выздоровела. В конце концов решили обратиться к джамагату¹. Собрались аульчане и выслушали каждого претендента. Потом стали обсуждать, кто из них более всего достоин руки невесты. Снова разгорелся спор, да такой горячий и продолжительный, что за это время девушка успела состариться, а аульчане так до сих пор и не пришли к единому мнению.

Любопытно, что во вьетнамской сказке судьбу девушки решают исключительно мужчины. Сама девушка в деле никакого участия не принимает, как будто речь идет о стороннем предмете, который можно отдать, вручить, подарить. Это говорит о том, что в этой версии женщина рассматривается исключительно как брачный товар.

Тот факт, что абазинская девушка сама решает, за кого выходить замуж, будто указывает на то, что она обладала определенной самостоятельностью, и право выбора оставался за ней. Данный вывод не согласуется с истинным положением дел до Октябрьской революции, и потому, возможно, этот элемент появился позднее. (Сказка была записана в советское время (1973), когда равенство мужчины и женщины было провозглашено и утверждено повсеместно).

Финал абазинской сказки свидетельствует об изначальной неразрешимости задачи, каковой она на самом деле и выступает: без участия каждого из трех женихов девушка неминуемо скончалась бы, а потому предпочтение в мужа только одного из них не справедливо по отношению к двум остальным. Потому-то и спор на эту тему оказывается нескончаемым.

В заключительной части вьетнамской сказки преобладает рассудочность, не характерная для абазинской сказки. Там обращается внимание на частности и детали, которые не могут иметь решающего значения, но при этом создают видимость справедливости. В результате стрелок и лекарь, сыгравшие в судьбе девушки не меньшую роль, чем ныряльщик, остаются обделенными.

Возможно, в подходе к решению финальной проблемы проявляются особенности психики, мировоззрения двух народов: у одних – оставить открытым вопрос, который не поддается решению; у других – в обязательном порядке, с помощью уловок и ухищрений решить любой вопрос, даже если такое решение грешит необъективностью. Правда, конец восточной сказки окрашивается тем, что все трое претендентов на руку и сердце красавицы становятся названными братьями без претензий друг к другу.

С подобной проблематикой мы встречаемся и в бирманской сказке «Отчего цикада потеряла свои рожки» [Сказки народов мира 1987: 56–58]. Она открывается сообщением о том, что давным-давно у веселой цикады были рожки, как у жука-рогача. И далее следует повествование о том, как она их потеряла. Однажды в жаркий день цикада лениво ползла по ветвям смоковницы и искала тень, чтобы уснуть, как вдруг подул прохладный ветер. От радости цикада встрепенулась и застрекотала так громко, что сидевшая на этом же дереве обе-

¹ Авт.: Джамагат: абаз. – народ.

зьяна, лакомящаяся смоквой, поперхнулась и выронила из рук плод. В это время под деревом дремал молодой олень, в которого угодила смоква. От неожиданности олень вскочил и понесся, запутался ногами в побегах дикой тыквы, росшей на склоне горы, в результате чего одна из них сорвалась, покатила и шлепнулась на пышный кустик кунжута. Рядом спал старый слон. И, когда из-за шума он раскрыл глаза, в них насыпались жесткие зерна кунжута. Слон побежал к пруду, чтобы промыть глаза, и не заметил, как наступил на жука-рогача и сломал ему рожки. Раненый жук обратился с жалобой к старой черепахе, славившейся своей мудростью. Выясняя причинно-следственные связи, она опросила участников инцидента и рассудила так: «Выходит, и виноватых нет, все будто правы! А все же рога у жука сломаны. Все вы по-своему правы. Но все понемногу и виноваты. А уж цикада больше всех. Из-за нее все случилось. Ты должна поплатиться. Отдавай свои рожки жуку вместо сломанных». Так, беспечной цикаде пришлось расстаться со своими рожками.

По такому же сюжету построена и абазинская сказка «Осел и кошка» [Абазинские сказки... 2014: 14–15], повествующая о том, как в жаркий день осел зашел в сарай, прячась от солнечных лучей. В это время соседская собака погналась за кошкой, та со страху кинулась на осла, осел рванулся и понесся по улице, задев женщину, несшую масло в сосуде. Сосуд выпал из рук, разбился, и масло растеклось по уличной пыли. Когда же женщина предъявила претензии хозяину осла, тот свалил все на хозяина кошки, тот в свою очередь – на хозяина собаки, а последний сослался на законы природы, заложенные в собаке: кидаться на кошек.

При всем внешнем различии эти сказки объединяет мотив наличия пострадавшего при том, что виновных как будто и нет. Бирманская сказка все же выявляет виноватого (цикаду) и заставляет возместить нанесенный ущерб (поломанные рожки) за счет принадлежавших виновнице. Сказка и завершается сентенцией: «Всем понравилось решение черепахи: ведь она рассудила по справедливости. А беспечной цикаде пришлось расстаться со своими рожками, да они ей и ни к чему!» Абазинская версия не имеет подобного завершения: все участники инцидента так и стоят до сих пор посреди дороги и каждый продолжает отстаивать свою правду.

Тут совпадает не только общий сюжет, но и одна деталь – первопричина всех злоключений – жара, из-за которой цикада в бирманской сказке искала прохладу, а в абазинской сказке осел зашел в сарай.

Вьетнамская «Золотая туфелька» [Сказки народов мира 1987: 99–100] и абазинская «Джануаз» [Абазинские сказки... 2014: 38–43] объединяет общая идея: от судьбы никуда не уйти; какие бы препятствия ни вставали на пути суженых, они все равно соединятся.

Сюжеты двух сказок существенно отличаются друг от друга, но отдельные элементы их все-таки перекликаются. Во вьетнамской сказке Мугазо, ставшая женой царя, погибает от коварства приемной матери и сестры: ее топят в пруду. Но она превращается в золотую черепаху, которую поедает сестра. Панцирь черепахи превращается в певчую птицу, затем из птичьих перьев вырастает стройный бамбук. Когда же срубили бамбук и сожгли, из его корня прорастает

душистая хурма, а в единственном созревшем плоде воплощается душа Мугазо. Плод срывается одинокой старухой и хранится в кувшине для риса. С той поры в доме старухи начинают происходить странности: стоило хозяйке отлучиться, как кто-то начинал прибираться, готовить обед, накрывать стол. Решила она прознать, кто хозяйничает в доме, собрала свои корзины, привязала к коромыслу, вышла из хижины, но вскоре вернулась, спряталась и застала Мугазо. С помощью старушки ей удастся снова воссоединиться с царем.

Через подобные перипетии проходит и дочь старика в сказке «Джануаз»: утопленная соперницей душа девушки прорастает камышом. Вырезанная из того камыша дудочка сгорает в огне, но пепел прилипает к лапкам и клювам гусей, в результате чего они становятся позолоченными и посеребренными. Старушка-хозяйка соскребла с гусей золото и серебро, завернула в тряпку и положила в сундук. С того времени и в ее доме творятся чудеса: кто-то в ее отсутствие прибирает в доме, зажигает огонь в очаге, готовит блюда. Абазинская старушка, как и ее вьетнамский двойник, делает вид, будто выгоняет гусей, закрывает калитку за собой, но незаметно возвращается и через окошко наблюдает за тем, как открывается сундук, из него выходит девушка и начинает наводить порядок... Впоследствии и героиня абазинской сказки, как и вьетнамской, соединяется с любимым Джануазом посредством старухи.

Повторимся: различного в двух сказках больше, чем сходного (вьетнамский текст отдаленно напоминает французскую «Золушку»), но сейчас мы сознательно выделяем общие для них элементы, а именно – различные превращения, через которые пришлось пройти героиням, чтобы в конце концов вернуться к своим любимым.

Естественно, происходящие трансформации связаны с общим укладом народа-носителя сказки, их окружающим миром, материальной культурой (бамбуковая палка, кокосовый орех, арахис, рис, кунжут, золотая черепаха, душистая хурма – в «Золотой туфельке»; чабан, камыш, дудка, гуси, очаг, скала – в «Джануазе»), но напомним, что общим для сказок двух народов, находящихся друг от друга на расстоянии многих тысяч верст, является общая идея: какие бы преграды ни вставали на пути суженых, они преодолеют все и обязательно соединятся. Здесь любопытным предстает то, что два абсолютно разных народа – с разной материальной, духовной культурой, жизненной философией, религией, – сходятся в предопределении судьбы человека, в довлеющем над ним роке.

Этот же сюжет в более свернутом виде реализуется и в корейской сказке «Кхончхи и Пхатчхи» [Сказки народов мира 1987: 125–127]: злая мачеха и ее родная дочь утопили Кхончхи в озере, в ее платье переодели Пхатчхи и выдали замуж за камсу, начальника провинции. Прогуливаясь по берегу озера, он увидел красивый цветок лотоса, сорвал и поставил в кувшин с водой. Пхатчхи бросила цветок печь, а старушка-служанка, зажигая огонь, обнаружила в печи ожерелье, переливающееся всеми цветами радуги. Когда старушка вынула украшение, оно превратилось в Кхончхи. Девушка попросила накрыть стол угощением и пригласить камсу. Тот явился, принялся есть, а палочки оказались одна короче другой. Разозлился он, стал отчитывать служанку, а в это время за ширмой раздался голос: «Вот вы, господин камса, сразу заметили, что палочки неодина-

ковы, а одного человека от другого отличить не смогли!». Понял камса, что его обманули, велел наказать злую мать с дочерью, а сам зажил счастливо с милой и доброй Кхончи.

И здесь, как и в предыдущих двух сказках, вероломно погубленная девушка, пройдя через различные испытания и преобразования, в конце концов, воссоединяется с суженым.

Рассмотренный материал неопровержимо свидетельствует, что сюжеты абазинских сказок сходятся и совпадают не только с фольклором близкородственных народов – абхазов и адыгов, – но и с этносами, проживающими за многие тысячи верст, в буквальном смысле – на другом конце света: Бирма, Вьетнам, Камбоджа, Корея, Монголия, Тибет (Китай), Карелия (Россия), Удмуртия (Россия).

Абазинскую сказку «Один глупее другого» и удмуртскую «Мадяр» в первую очередь сближает общая тема человеческого скудоумия. Объединяет их и образ главного героя, – сына, который хочет убедиться, что есть на свете люди, глупее его родни. И в обеих сказках он становится свидетелем трех нелепых сцен.

Типологическое сходство латающей землю старухи из сказки «Старый бурдюк» и пожилой женщины из тибетской «Чудесные зерна» подводят к умозаключению о том, что абазинская героиня является ни кем иным, как богиней земли.

В сказках «Старик и волк» (абазинская) и «О том, как поспорили тигр и прохожий» (корейская) почти вся персонажная система отлична одна от другой, и тем не менее общий сюжет остается для них единым: выручивший зверя из беды человек сам оказывается под угрозой смерти от спасенного. И в первой, и во второй сказках проблема решается сходным образом, подводя к одному и тому же выводу: за добро нужно быть благодарным.

В данном случае небезынтересно отметить, что в абазинской и корейской сказках воплощением агрессии и вероломства являются волк и тигр, близкие по своей хищнической природе. И это представляется вполне логичным. Олицетворением ума и чувства справедливости в абазинской сказке становится лиса, и это тоже вписывается в европейские фольклорные традиции. А вот то, что в подобной роли в корейской сказке изображается заяц, воспринимается уже как парадокс. И в таких деталях проявляется культурная специфика каждого этноса.

Наблюдения над монгольской («Старик и тигр») и абазинской («Кабижчукун и айныжи») сказками подводят к мысли о том, что, хотя в них и действуют разные персонажи, различен национальный колорит, но схемы поведения героев и финал повествования один и тот же.

Абазинская «Сказка о двух дочерях», кхмерская «Две девочки», бирманская «Жемчужинка и жаба» при наличии в каждой своих национальных особенностей, совпадают по общему сюжету, конфликту, заложенной идее и воспитательным функциям.

Сходные ситуации обнаруживаются во вьетнамской «Трое умельцев» и абазинской «Привередливая девушка и трое влюбленных парней» сказках. В них женихи сообща спасают от неминуемой смерти любимую, но финалы их оказываются различны. При всем том, что без участия каждого претендента на руку и сердце красавицы она не выжила бы, вьетнамская сказка считает спра-

ведливым выдать девушку замуж за одного из них. Абазинская, осознавая невозможность однозначного решения подобной проблемы, оставляет вопрос открытым. И в подходе к разрешению подобного спора также проявляются особенности мировоззрений двух народов.

Эта же черта присуща и бирманской сказке «Отчего цикада потеряла свои рожки», где в результате цепной реакции, начавшейся с невинного эмоционального всплеска цикады, жук-рогач потерял свои рожки. Цикада вынуждена поплатиться за нанесенный жуку урон, потому что, по мнению славившейся своей мудростью черепахи, «из-за нее все случилось». Такое решение не характерно для абазинского национального мышления, что подтверждается финалом сказки «Осел и кошка», где в сходной ситуации виновный не обнаруживается.

Общим для вьетнамской «Золотой туфельки» и абазинской «Джануаз» являются неоднократные перевоплощения главных героинь на пути воссоединения с любимыми и сентенция: от судьбы уйти невозможно.

Национальный колорит в сказках разных народов чаще всего выражается в названиях поселений, жилищ, продуктов питания, статусов персонажей, их имен и прозвищ: аил, юрта, тигр, чай (монгольские); дикий батат, тигр, бамбуковая плетенка, термиты (кхмерские); натами, слон, кунжут, смоковница, обезьяна, цикада, Ма Пале, Ма Пха-пьюу (бирманские); Ле, бамбуковая палка, кокосовый орех, арахис, рис, золотая черепаха, душистая хурма, кувшин для риса (вьетнамские); камса, цветок лотоса, ожерелье, палочки для еды, Кхончи, Пхатчи (корейские); Баймет, Чипья, Камзей, Мадяр, старуха-травница, баня, погреб, овсяная каша (удмуртские); Кабижчукун, Инджиг, аул, айныж, чабан, джамагат, артмак, сыр, хакут, камыш, бурка, очаг, скала (абазинские). В меньшей степени этническая специфика проявляется в нетрадиционном для европейского сознания решении отдельных морально-этических вопросов. Больше всего различия обнаруживается в персонажной системе, но сами события, ситуации, в которых оказываются герои, выносимые морально-этические уроки совпадают почти всегда.

Рассмотренные сказки убеждают, что народы, проживающие в разных концах света, интересуют одни и те же темы, волнуют одни и те же проблемы, выражают сходное мировосприятие и совпадение духовно-нравственных оценок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазинские народные сказки... 1985 – *Абазинские народные сказки* / Составление, перевод с абазинского, вступительная статья, примечания В.Б. Тугова. – М.: Наука, 1985. – 412 с.

Абазинские сказки... 2014 – *Абазинские сказки* / Подготовка материала к изданию, составление, перевод, комментарии П.К. Чекалова. – Ставрополь: Ставролит, 2014. – 108 с.

Ингур 2004 – *Ингур* / Автор-составитель Т. Г. Владыкина. – Ижевск: Удмуртия, 2004. – 351 с.

История народов Северного Кавказа... 1988 – *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века*. – М.: Наука, 1988. – 544 с.

Сказки Абазашты... 2016 – *Сказки Абазашты* / Составление, вступительная статья, примечания П.К. Чекалова. – Ставрополь: Бюро новостей, 2016. – 316 с.

Сказки народов мира 1987 – *Сказки народов мира*. Тысяча и одна ночь. – М.: Детская литература, 1987. – 734 с.

Тугов 2002 – *Тугов В.Б.* Память и мудрость веков (фольклор абазин: жанры, темы, идеи, образы, поэтика). – Карачаевск: КЧГПУ, 2002. – 348 с.

Чекалов 1994 – Чекалов П.К. Абазинский фольклор и мифология народов мира // Философия, методология, культура. – 1994. – С. 47-54.

Чекалов, Котова 1999 – Чекалов П.К., Котова Л.В. Веселовский, Куприн, Соломон и сказки народов Кавказа // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии (Материалы Всероссийской научной конференции 27–29 мая 1998 г.). – Майкоп: АГУ, 1999. – С. 169-176.

Чикатуев 1969 – Чикатуев М.Х. Абазинские всадники. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1969. – 112 с.

REFERENCES

Abazinskie narodnye skazki [Abazin folk tales] / Sostavlenie, perevod s abazinskogo, vstupitel'naya stat'ya, primechaniya V.B. Tugova. – M.: Nauka, 1985. – 412 s. (In Russ.).

Abazinskie skazki [Abazin tales] / Podgotovka materiala k izdaniyu, sostavlenie, perevod, kommentarii P.K. Chekalova. – Stavropol': Stavrlit, 2014. – 108 s. (In Russ.).

Ingur [Ingur] / Avtor-sostavitel' T. G. Vladykina. – Izhevsk: Udmurtiya, 2004. – 351 s. (In Russ.).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century]. – M.: Nauka, 1988. – 544 s. (In Russ.).

Skazki Abazashty [Tales of Abazashta] / Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya, primechaniya P.K. Chekalova. – Stavropol': Byuro novostei, 2016. – 316 s. (In Russ.).

Skazki narodov mira. Tysyacha i odna noch' [Tales of the peoples of the world. A Thousand and One Nights]. – M.: Detskaya literatura, 1987. – 734 s. (In Russ.).

TUGOV V.B. *Pamyat' i mudrost' vekov (fol'klor abazin: zhanry, temy, idei, obrazy, poetika)* [Memory and wisdom of the ages (Abazin folklore: genres, themes, ideas, images, poetics)]. – Karachaevsk: KChGPU, 2002. – 348 s. (In Russ.).

CHEKALOV P.K. *Abazinskii fol'klor i mifologiya narodov mira* [Abazin folklore and mythology of the peoples of the world]. In: *Filosofiya, metodologiya, kul'tura*. – 1994. – S. 47–54. (In Russ.).

CHEKALOV P.K., KOTOVA L.V. *Veselovskii, Kuprin, Solomon i skazki narodov Kavkaza* [Veselovsky, Kuprin, Solomon and fairy tales of the peoples of the Caucasus]. In: *Aktual'nye problemy obshchei i adygskoj filologii (Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii 27–29 maya 1998 g.)*. – Maikop: AGU, 1999. – S. 169–176. (In Russ.).

CHIKATUEV M.KH. *Abazinskie vsadniki* [Abazin horsemen]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969. – 112 s. (In Russ.).

Информация об авторах

П.К. Чекалов – доктор филологических наук, профессор.

Л.А. Борокова – старший научный сотрудник.

Information about the authors

P.K. Chekalov – Doctor of Science (Philology), professor.

L.A. Borokova – senior research associate.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.02.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.